

ГУСАРСКАЯ САГА
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ
ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО
СЕРГЕЙ ГОРБАТЫХ

Сергей Горбатов

За веру, царя и Отечество

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096657
Мультимедийное издательство Стелъбицкого; Киев; 2020
ISBN 9780890008522*

Аннотация

Владимир Головинский с детства мечтает быть кавалерийским офицером. После окончания Кадетского корпуса он поступает в одно из самых престижных учебных военных заведений Российской империи: Николаевское кавалерийское училище. После его окончания Владимира направляют на службу в Ингерманландский гусарский полк, в составе которого он воюет на Юго-Восточном а затем на Буковинском фронтах в 1914–1917 годах. Головинский мечтает поступить в Академию Генерального штаба и сделать блестящую военную карьеру. Для этого он обладает всеми необходимыми качествами: у него великолепное образование и воспитание. Владимир проявил в боях свою храбрость и умение командовать подчинёнными. Большую материальную и моральную поддержку ему оказывает его родная тётюшка Анастасия Михайловна Дерюгина.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Горбатов

За веру, царя и Отечество

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жил да был Юрий Михайлович Головинский, представитель славного дворянского рода Головинских, верой и правдой служивших России в кавалерии более двухсот лет.

После окончания Николаевского кавалерийского училища в 1879 году корнет Головинский поступил на службу гусарский Ингерманландский полк. Все прочили ему блестящую карьеру.

Была у Юрия сестра Анастасия. В свои девятнадцать лет сводившая с ума многих мужчин. Влюбился в неё без памяти лучший друг Головинского поручик Андрей Толстой. Стал он ухаживать за Анастасией.

– Породнимся мы с тобой, Андрей! Скоро! Я чувствую это. – Частенько говаривал ему Юрий после дюжины выпитых вместе бутылок шампанского.

– Я только и мечтаю об этом. – С надеждой вздыхал Толстой.

Но не лежало сердце Анастасии к Андрею.

– Милый, красивый молодой человек и всё. Ничего я не чувствую к нему. – Объясняла она своему брату.

– Настенька, не чувствуешь сейчас потому, что не понимаешь кто он.

– А кто он? – смотрела недоуменно она на своего брата большими глазами тёмно-василькового цвета.

– Как кто? Он же Толстой! Из одного самых известнейших дворянских родов России! Богат! Образован. Умён! Лет через десять будет генералом! – уговаривал сестру Юрий.

– Я не хочу быть женой генерала! Я хочу любить! Понимаешь меня, Юра? Любить! – объясняла Анастасия своему непонятливому брату.

Андрей Толстой предложил Анастасии руку и сердце. Она решительно ему отказала.

– Ты что наделала? Ты что сотворила? Отказала моему самому близкому другу! – в ярости набросился на сестру Юрий.

– Я его не люблю! С нелюбимым жить не буду! Не смей кричать на меня! – оборвала брата Анастасия.

Вскоре после этого, Андрей порвал все отношения со своим лучшим другом Головинским, ушёл с военной службы и уехал жить в Италию.

– Я тебя знать больше не желаю! Нет у меня сестры! Нет! Будь ты, проклята, безмозглая! Юрий с такой силой ударил ногой дубовую дверь, что она слетела с петель.

Анастасия, через год, вдруг, вышла замуж за купца первой гильдии Алексея Дерюгина.

Это произошло неожиданно как для всех близких девуш-

ки, так для самой Анастасии.

Тридцатилетний Алексей и Анастасия познакомились на передвижной художественной выставке влюбились друг в друга с первого взгляда.

Юрий на их свадьбе не был.

– За купчишку замуж выскочила! Теперь гвоздями в бакалейной лавке будет торговать! Ха-ха-ха... – говорил он родным и друзьям.

Но Алексей Дерюгин не являлся «купчишкой». Это был целеустремлённый мужчина, получивший образование в Сорбонне, владевший несколькими иностранными языками. К тридцати годам он уже создал «империю» «А.Дерюгин»: лесопилки на Урале, речные баржи на Волге, грузовые пароходы на Балтике, элеваторы в портах Азовского и Чёрного морей...

За него мечтали отдать замуж своих дочерей многие богатые родители России, а он выбрал Анастасию Головинскую.

Из гусарского Ингерманландского полка, при активном содействии своего отца, Юрий Головинский был переведён в Лейб-гвардии кирасирский Его Величества полк, и теперь с гордостью называл себя «жёлтым кирасиром».

В чине штабс-ротмистра он уже командовал эскадромом, когда во время одного из «Конкур Иппик» упал с коня и сильно повредил левую ногу. После этого Юрию пришлось уйти в отставку по причине инвалидности. Головинский уехал в своё родовое поместье в Орловскую губернию, где

вскоре женился на Софье Николаевне Лечицкой. Всё довольно крупное приданное жены он потратил на организацию конного завода.

В 1894 году у Юрия и Софьи Головинских родился сын Владимир.

– Будущий офицер-кавалерист! Гусар! – с гордостью показывал он своего новорожденного своим друзьям.

В 1900 году у супругов Головинских родились две дочери-близнецы – Лиза и Катя.

Анастасия Михайловна после двенадцати лет счастливой жизни с Алексеем Дерюгиным осталась вдовой. Её муж скончался от сердечного приступа. Она осталась совершенно одна. Детей Бог им не дал...

– В одночасье теперь дерюгинская «империя» развалится! Что эта «Кукла» сможет сделать? – потирали руки конкуренты Дерюгина, потирая руки в предвкушении лёгкой добычи.

Но добычи они не получили. «Кукла», как они за глаза называли Анастасию Михайловну, неожиданно для всех талантливо продолжила дело мужа. У неё проявилась сила воли и «железная хватка» вести дела...

О жизни своего брата Юрия она ничего не знала, ведь отношения между ними прервались много лет назад.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Володя Головинский пристрастился к чтению книг лет в восемь. Только от одного вида рядов книг в кожаных переплётках, которые стояли в шкафах отцовского кабинета, его охватывал восторг. Здесь Юрий Михайлович позволял своему сыну делать всё: читать, пользоваться тяжёлым письменным прибором в виде двух мраморных слонов, подремать на просторном старинном диване... А вот открывать высокий платяной шкаф и заглядывать в него Володе строжайше запрещалось. Но он не мог удержаться от соблазна. Иногда, когда отца не было поблизости, Володя открывал резную дубовую дверь и замирал... В шкафу висели гусарские парадные мундиры деда и отца. Шитые золотыми нитями!

Мальчик тогда забывал обо всё на свете. Он с трепетом рассматривал бесчисленные ордена и медали... Уже тогда Володя твёрдо решил, что тоже будет офицером и, обязательно, гусаром!

Каждое утро, ещё до завтрака, он бежал в конюшни, чтобы посмотреть, как конюхи ухаживают за лошадьми – этими

умными и грациозными животными. Когда Володе исполнилось десять лет, отец разрешил ему помогать работникам. В двенадцать – он уже довольно уверенно держался в седле.

В просторном доме Головинских месяцами и, даже годами, жили гувернанты и гувернантки из Москвы, Санкт-Петербурга, Англии, Франции, Германии. Вместе с родным русским языком Володя с раннего детства учил английский, французский и немецкий. Ему, как ни странно, очень нравилась латынь. А вот садиться за рояль фабрики Эрара и разучивать нудные сольфеджио под руководством Нины Петровны не хотел и увиливал под разными предлогами.

Ещё ему не нравились уроки рисования. Часто сменяющиеся учителя отмечали его одарённость, но интерес к этому предмету привить не смогли.

– Зачем рисовать акварельные деревья, если их видно из окна? Зачем изображать реку? Ведь лучше пойти туда и удить рыбу с деревенскими мальчишками? – вслух размышлял Володя.

– Софи, наш сын только страдает от уроков музыки? Зачем она ему – будущему офицеру? Рисование – это другое дело! Офицер должен нарисовать схему боевых порядков, план местности, например... А игра на рояле? – поинтересовался как-то у супруги Юрий Михайлович.

– Юра, музыкальное воспитание – это очень важная часть воспитания молодого человека – будущего российского офицера! Ты это понимаешь? Или нет? – недоумевала его супруга.

га.

Отцу пришлось согласиться.

– И так, Владимир, сегодня я хочу услышать в вашем исполнении этюд номер три Шопена. Мы уделили изучению этого произведения достаточно времени. Я понимаю, что ни мои уроки, ни игра на рояле вам не нравятся. Вы, Владимир, уже должны понимать, что в своей жизни только иногда будете делать не то, что вам нравится, а то, что вы должны.

Начинайте, пожалуйста! – строго потребовала на одном из занятий Нина Петровна.

– Чижик- пыжик, где ты был? На базаре водку пил! – про- барабанил на клавишах, подпевая себе Володя.

– Вы очень дерзкий, мальчик! – покраснела от возмущения Нина Петровна.

Владимир равнодушно смотрел в окно.

– А вы знаете, что слово дерзкий имеет два значения? – справившись с эмоциями вкрадчивым голосом спросила Нина Петровна.

– Какие? – Владимир с интересом уставился на стайку воробьёв, сидевших на дереве.

– Какие? Слушайте меня очень внимательно. Дерзкий происходит от слова дерзить, то есть грубить старшим, совершать мелкие подлости. Дерзкий также происходит от слова дерзать, что значит смело стремиться к чему-то новому, совершать подвиги... Вот и выбирайте вы, будущий офицер, что вам делать дерзить или дерзать!

Владимиру, вдруг, стало нестерпимо стыдно: ведь он не может дерзить! Он не может и не должен делать подлости!

Головинский встал из-за рояля, повернулся к преподавательнице, поклонился ей:

– Нина Петровна, прошу меня простить. Я был не прав! Отныне я буду только дерзать!

Он сел за рояль и прикоснулся к клавишам. Володя играл наизусть... Играл, совершая небольшие ошибки, но играл, вкладывая всю свою душу.

– Действительно, вы очень дерзкий мальчик! – удовлетворённо произнесла Нина Петровна.

После этого урока в сознании Владимира что-то произошло: он почувствовал интерес к музыке. С его абсолютным слухом и великолепной памятью, которую единодушно отмечали учителя всех предметов, игра на рояле стала для него одним из любимых развлечений.

А ещё Владимиру понравилось петь. Очень часто, когда из граммофона доносились песни Шаляпина, он неосознанно для себя подпевал им во весь голос:

– Блоха. Ха-ха-ха. Блоха! – вторил он великому русскому певцу.

– Со временем, когда у вашего сына сформируется голос, у него будет прекрасный баритон. – Уверяла Нина Петровна Софью Николаевну.

Когда Владимиру исполнилось двенадцать лет, родители отдали его в Орловский Бахтина кадетский корпус.

Первые недели в этом учебном заведении стали суровым экзаменом для мальчика. Подъём в шесть часов утра, гимнастика, умывание холодной водой, молитва, первый завтрак, занятия... Всё это Владимир Головинский выдержал с честью. Но вот цукиание кадетами старших классов младшеклассников приводило его порою в бешенство.

С этой мрачной традицией всех кадетских корпусов России Головинский столкнулся в первый же день. Он шёл по длинному коридору в спальную комнату, когда неожиданно услышал:

– Зверь, стоять! Ко мне! Бегом!

На эти странные для него слова Владимир не обратил никакого внимания.

– Сугубец, я тебе дал команду «стоять»! – послышался тот же, но уже очень раздражённый голос.

Головинский обернулся. В шагах десяти от него стоял верзила из последнего класса.

– Это ты к кому так обращаешься? – поинтересовался Владимир.

– Как к кому? К тебе! Ты же зверь!

– Моя фамилия Головинский! У меня нет никакого прозвища! При чём тут «зверь»?

У верзилы от возмущения вытянулось красное прыщавое лицо.

– Я, кадет выпускного седьмого класса, то есть «благородный корнет», а ты только начинаешь учиться в кадетском

корпусе, поэтому и называешься «сугубый зверь» или «сугубец». Все вы, младшеклассники, являетесь сугубыми зверями и должны подчиняться нам. Ты понял?

Володя стоял, как вкопанный. Он никак не мог поверить услышанному...

А дальше было хуже: младшеклассники чистили «благородным корнетам» медные пуговицы на их мундирах, по их желанию выполняли приседания, отжимания на руках от пола, заправляли постели...

Головинскому не пришлось выполнять многих дурацких и унижительных приказов старшеклассников. Николай Теслицкий, тот самый верзила семиклассник с прыщавым лицом, стал его «наставником». В шутку в корпусе их называли «дядьками», и не давал Владимира в обиду. В благодарность за это покровительство, Головинский выполнял за Теслицкого все домашние задания по латыни.

Многие товарищи Владимира от цукания плакали по ночам в своих узких металлических кроватях.

«Когда я стану старшеклассником, то никогда не буду цукать младших!» – как-то поклялся сам себе Головинский.

21 декабря Владимир приехал домой на рождественские каникулы.

– Рассказывай, сын, как тебе нравится в кадетском корпусе или нет? Трудно? – первым делом поинтересовался у него отец, когда они остались вдвоём в кабинете.

– Всё хорошо, папа. Всё нравится... вот только...

– Что только? Рассказывай! – потребовал Юрий Михайлович.

– Цук кадетский совсем не нравится. Я его просто ненавижу! – признался Владимир.

– Ну, сын, ты не прав! Цук- это своеобразная «шлифовка» кадета и юнкера. Каждый мужчина, тем более будущий офицер, должен пройти через цук. Сначала старшие цукают тебя, то есть «шлифуют», а потом уже ты цукаешь младших. Таким образом сохраняются добрые традиции. В Николаевском кавалерийском училище, которое я закончил, и, в котором, я уверен, будешь учиться и ты – там тоже цук. Цук с особым шиком, основы которого были заложены самим Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

– Папа, я традиции уважаю и подчиняюсь им, а вот цукать никого не буду! – твёрдо произнёс Владимир.

– Сын, я тебя совсем не понимаю! – недоумённо пожал плечами Юрий Михайлович, – цук есть в знаменитой французской академии Сен-Сир, в престижном Вест-Понте в Североамериканских соединённых штатах... Как это без цука?

В первые же месяцы учёбы в кадетском корпусе Владимир Головинский получил почётное прозвище Голова. Ему он был обязан не своей фамилии, а успехами в учёбе. По всем предметам у него были отличные оценки. А преподаватель латыни Христофор Христофорович даже в табеле ставил Головинскому «пять с двумя плюсами», за что получал выговоры от начальника кадетского корпуса:

– Господин Игнатиади, напоминаю вам, что высшая оценка в российских учебных заведениях- это «пять»! Не пять с одним плюсом или двумя плюсами! Перестаньте своевольничать! Немедленно исправьте!

Через год Головинский записался в кружок столярного дела и в то время, как его товарищи корпели над домашними заданиями, он под руководством старого мастера Андрея Андреевича мастерил полки, табуретки, столы. Вскоре Владимир приобрёл в корпусе большую славу, как изготовитель гробов. Ведь в год их требовалось, как минимум, три.

– Голова, на следующей неделе будем «хоронить» химию. Гробик для неё сооруди! Да покрасивее! – обратился к Головинскому конченный двоечник из класса Иван Георгадзе по прозвищу Гога.

– Сделаю! Припасённые доски у меня есть... с удовольствием соглашался Владимир.

– Ой, ой, ой! Как будем «хоронить» эту дурацкую науку! – Гога зачмокал языком от предвкушаемого удовольствия.

Тайком, чтобы не видел Андрей Андреевич, Головинский сделал горбик и даже покрасил его жёлтой краской.

В одну из ночей они, кадеты третьего класса, завернувшись в простыни, со свечами в руках спустились в сад. В дальнем его углу заранее была вырыта ямка. Гога с Александром Поспеловским несли гробик, в котором лежали несколько старых учебников по химии и тетради по этому предмету. Прежде чем опустить гробик с «покойницей»

в могилу, кадеты по-очереди произносили речи. На этот раз всех превзошёл Гога:

– Наконец ты сдохла! Сдохла ты – химия, которая пила мою кровь. Из-за тебя я остался на второй год! Но я – живой, а ты, старая и вонючая, лежишь в этом гробу...

Страстную речь Гоги все его товарищи прерывали стена-ниями и надрывным плачем.

После Гоги прощальные слова сказал Головинский, а по-том все остальные. Гробик опустили в ямку и закопали. За-тем, согласно старинным традициям кадетского корпуса, они по- команде сбросили простыни и остались в костюмах Ада-ма, сапогах, фуражках и, конечно же, при ремнях.

– К торжественному маршу! В колонну по-три – строй-ся! – скомандовал Гога.

После этого все кадеты третьего класса минут тридцать вышагивали по ночному саду.

Каждый год свой каникулы Владимир проводил в роди-тельском доме. Помогал конюхам ухаживать за лошадьми, кузнецу перековывать их. Много читал... Рыбачил с дере-венскими сверстниками и много играл на рояле и пел старые русские романсы. Их Владимир обожал и знал множество...

До окончания Орловского Бахтина кадетского корпуса Володе оставалось два года.

– Сын, ты не передумал? – спросил его Юрий Михайло-вич, когда вся семья собралась за рождественским столом.

– Ты о чём это, папа?

– Сделать блестящую военную карьеру кавалерийского офицера?

– Папа, ты же знаешь, что военная карьера – это смысл всей моей жизни! – несколько пафосно ответил Владимир.

– Очень хорошо! Как ты собираешься её делать?

– После окончания Орловского кадетского корпуса буду ходатайствовать о моём зачислении в Николаевское кавалерийское училище.

– Правильно. Но для этого уже сейчас надо быть поближе к кавалерийскому училищу.

– Это как, папа? – не понял Володя.

– Я буду ходатайствовать о твоём переводе в Первый кадетский корпус. Ты не возражаешь?

– Спасибо, папа! – обрадованно поблагодарил отца Владимир.

29 августа 1910 года Юрий Михайлович с сыном приехали в Санкт-Петербург.

– Несколько дней, пока не будут оформлены все документы, проживёшь у Анастасии Михайловны. – Объяснил он Владимиру.

– У той самой? – ужаснулся тот.

– Почему ты так о моей родной сестре и своей тётке? Ты даже ни разу её не видел! – строго поинтересовался отец.

– Просто я с самого детства слышал ваши разговоры с мамой о странностях Анастасии Михайловны.

– Владимир, тебя её странности касаться не будут. Я уве-

рен.

В роскошном двухэтажном особняке на Невском проспекте их принял высокий бородатый швейцар, а затем по мраморным лестницам и тёмным коридорам проводил к двери из красного дерева.

– Брат, я так тебя рада видеть! – к Юрию Михайловичу подошла высокая сухощавая женщина. – А кто этот очень милый молодой человек?

– Это мой сын, Владимир! – почему-то нервничая, произнёс Юрий Михайлович.

Анастасия Михайловна поцеловала племянника в щеку:

– Добро пожаловать в мой дом! – торжественно сказала она, – стол уже накрыт. Подождите, подождите.

Тётушка вдруг остановилась и долго молча и пристально рассматривала Владимира. Тот от растерянности покраснел. Юрий Михайлович не то же не мог понять, что происходит.

– Боже мой! Боже мой! Это невероятно! – всплеснула руками Анастасия Михайловна и сняла со стены фотографию в резной рамке.

– Смотрите это же одно лицо!

Владимир посмотрел на фотографию. На ней был он, только в женском платье и с бантом в косе.

– Здесь мне шестнадцать лет! – пояснила Анастасия Михайловна.

– И мне уже исполнилось шестнадцать... – поражённый увиденным, прошептал Владимир.

– Действительно, похоже брат и сестра близнецы! Никогда не обращал внимания на это сходство! – удивлённо протянул Юрий Михайлович.

За обедом брат и сестра после долгих лет разлуки вели очень напряжённый диалог. А основном говорила Анастасия Михайловна.

Володя не вникал в суть их беседы. Он рассматривал огромный зал, где был накрыт большой стол. На стенах – картины фламандских мастеров, в углах – скульптуры. Потолок был покрыт фресками. Владимира раздирало от любопытства, что же там изображено. Но он не мог задрать голову за столом и смотреть на потолок. Это являлось признаком полного отсутствия элементарной культуры.

За обедом им прислуживали повар Жан, худой мужчина лет сорока пяти, ужасно говорящий по – русски и Клавдия, расторопная молоденькая девушка.

Затем Юрий Михайлович взял извозчика, и они с сыном поехали в Первый кадетский корпус, располагавшийся в двухэтажном здании розоватого цвета на Васильевском острове.

Пока у Владимира в канцелярии принимали все документы, Юрий Михайлович в кабинете директора корпуса генерал-майора Григорьева подписал бумаги о том, что обязуется платить за учебу своего сына пятьсот пятьдесят рублей в год, а также нести все дополнительные расходы по его обмундированию.

– Меня приняли! – с восторгом сообщил Володя отцу, когда они вышли на улицу.

– Поздравляю тебя, сын! На какое число тебе приказали прибыть в корпус?

– К девяти утра 24 августа.

– Очень хорошо! Сейчас я отвезу тебя к твоей тётушке, а сам поеду на вокзал. Мне надо возвращаться домой. Сам знаешь сколько у меня дел. С тобой уже встретимся на Рождество. Не забывай писать письма.

Володя вернулся в особняк к Анастасии Михайловны с неприятным чувством. Ведь с самого детства он слышал от отца самые нелестные о ней отзывы.

Тётушка встретила его с искренней радостью. Уже был накрыт ужин на две персоны. Прислуживала Даша, молчаливая служанка лет двадцати семи.

Владимир чувствовал себя очень напряжённо до тех пор, пока Анастасия Михайловна вдруг не обратилась к нему на французском языке.

– Володинька, все молодые люди твоего возраста увлечены произведениями Жюль Верна. Ты, наверное, тоже не исключение.

– Я, тётушка, исключение. Мне нравятся романы Александра Дюма (отца). Фантастические приключения, которые описывает Жюль Верн, мне не очень понятны. – Ответил по-французски Владимир.

Анастасия Михайловна настолько удивилась правильно-

му произношению и чёткости ответа племянника, что отложила в сторону вилку и нож. Её густые изогнутые брови ещё больше изогнулись, а глаза василькового цвета округлились.

– Прошлая неделя для меня была не очень удачной. Один из моих грузовых пароходов сел на мель у берегов Шотландии. Страховая компания пока молчит, – меняя тему, пожаловалась она по-английски.

– Тётушка, мне приходилось читать о кораблекрушениях в тех местах из-за сложных навигационных условий. Густых туманов, например. – Четко произнося каждое слово, рассудительно ответил по-английски Владимир.

Анастасия Михайловна от удивления потеряла дар речи. Она даже покраснела от восторга, и на её лице проявились «полянки» веснушек.

– Во-ло-динь-ка! Ты такой юный и так много знаешь! Ты очень похож на моего покойного мужа, который был гением. Я уверена, Володинька, что тебя ждёт блестящее будущее. – Торжественно, как клятву, произнесла тётушка.

– Да никакая она не странная, как говорили мои родители. Анастасия Михайловна – прекрасный человек. И талантливый! Имеет пароходы, баржи, лесопилки... всего и не запомнишь! Этим же надо управлять! – подумал Владимир и встал из-за стола.

– Тётушка, ужин был просто отменный! Я вас очень благодарю! – он поклонился ей, потом подошёл и поцеловал в щёку.

– Как ты прекрасно воспитан! Я в восторге! – прошептала Анастасия Михайловна.

Тем временем Владимир подошел к роялю Эрара, стоявшему в дальнем углу.

– Точно такой же, как у нас! – подумал он и поднял его крышку. – Вы мне позволите побарабанить по клавишам?

– Володинька, барабань! – с готовностью согласилась его тётушка.

Владимир сел на круглый стул и прикоснулся пальцами к клавишам.

Дрем-лю-ют плаку-у-чие ивы
Нии-и-изко склоняя-ясь над во-од-ой
Стру-у-йки бегу-ут торопли-и-иво

Запел он своим запоминающимся всем баритоном. Когда Владимир закончил «Дремлют плакучие ивы», сразу же, без перехода начал исполнять свой самый любимый романс «Гори, гори моя звезда»

Гори-и, гори-и, моя-я звезда-а,
Гори-и, звезда-а, приве-етна-ая
Ты у меня-я одна-а-а заве-ет-на-а-я
Друго-ой-ой не бу-де-ет никогда-а-а.
Умру-у ли я-я, ты на-ад моги-и-ло-ю-ю
Гори-и, сия-й-й, моя-я звез-да-а-а.

Владимир закончил... В зале повисла тишина, которая прервалась громкими аплодисментами Анастасии Михайловны:

– Bravo, Володинька! Bravo! Bravo! Гениально! Гениально!

В восемь часов сорок пять минут утра 24 августа Владимир Головинский вошёл в парадный подъезд Первого кадетского корпуса. Старый швейцар в расшитой золотыми галунами ливрее поздоровался с ним, а затем рассказал как пройти в дежурную комнату строевой роты.

По широкому светлому коридору Владимир дошёл до мраморной лестницы, поднялся на площадку с большими круглыми часами. Здесь, над открытыми дверями на красной доске золотыми буквами было написано «Рота Его Величества». С замиранием сердца он вошёл в коридор с большими стеклянными окнами. Слева находилась дежурная комната. Подполковник с седыми усами и шрамом на левой щеке выслушал его рапорт и отправил искать каптенармуса подпрапорщика Егорова.

Через час в новеньком мундире: чёрных брюках, белой гимнастёрке, подпоясанной кушаком с медной бляхой стоял в спальне у узкой железной кровати. В её головах была прикреплена табличка, выкрашенная в красный цвет. На ней золотыми буквами сияло «Владимир Головинский».

Первого сентября после общего построения на плацу, Владимир вдруг услышал за спиной:

– Голова!? Голова, и ты здесь?

Головинский обернулся. К нему, радостно улыбаясь бежал Константин Белкин, его хороший приятель по Орловскому кадетскому корпусу.

– Белка, здравствуй! Ты тоже здесь?

– Ага, ещё с прошлого года! Ты разве не знал? Папа настоял... Да и мама тоже очень хотела.

– Ну и как здесь? – поинтересовался Владимир.

– Мне нравится. – Ответил Белкин, а потом неожиданно закричал:

– Господа кадеты, хочу представить всем вам моего старинного приятеля Голову. Он знает латынь лучше, чем знали её римляне. А поёт он, как... как, как Шаляпин.

К Владимиру стали подходить кадеты. Протягивали руки и предствлялись.

В Первом кадетском корпусе в почёте были занятия по физкультуре, особенный упор делался на фехтование. Большое внимание педагоги уделяли воспитанию у своих питомцев правильных манер, умению танцевать и достойно вести себя в женском обществе. Для этого два раза устраивались встречи с девушками из женских гимназий Санет-Петербурга.

В субботу с двенадцати часов Владимир получил своё первое увольнение. Он взял извозчика и поехал к Анастасии Михайловне. По дороге попросил остановиться, чтобы зайти в известный на всю Северную столицу цветочный магазин

«Гертцнер и Компания».

– Милости просим, господин кадет! Заходите, не стесняйтесь! – вежливо пригласил его приказчик лет сорока в белой накрахмаленной рубашке в чёрном переднике и галстуком-бабочкой. – Чего желаете выбрать?

– А можно сначала посмотреть? – спросил Владимир с удивлением озираясь вокруг. Цветы в кадках, в горшках, лонгханях с водой, в корзинах... Смешение запахов...

– Вы хотите что-то специальное? – улыбнулся приказчик.

– Розы, пожалуйста! – попросил Головинский. У него начала кружиться голова от изобилия цветов и ароматов.

– Имеем розы Портлендские, по двадцать пять копеек за штуку. Розы Бурбонские по сорок копеек за штуку. Дамасские – три штуки рубль... а вот обратите внимание: Моховая роза красная с нежно-жёлтым оттенком. Уникальные экземпляры! Уверяю вас! Если передумали покупать розы, то могу предложить вам рододендроны, камелии, флоксы, георгины, гладиолусы. Вот этот красавчик гладиолус стоит всего рубль десять копеек за штуку. – Приказчик увлечённо показывал свой товар...

«А у меня всего три рубля и мелочь! – подумал с огорчением Владимир, – к тётушке без цветов я не явлюсь, поэтому надо решаться».

– А вот у вас я вижу белые хризантемы, вон там на дальнем столе. Какова их цена? – поинтересовался Головинский.

– Замечательные хризантемы! Свежие ароматные и имеют

невероятно белый цвет без каких-либо полутонов. Три штуки стоят всего сорок копеек. Будете брать? – моментально ответил приказчик.

– Девять! – не колеблясь, сказал Владимир.

– Прекрасно! Прекрасно! Сейчас я вам из них сделаю букет и уложу их в пергаментную бумагу. Вот пожалуйста! Один рубль двадцать копеек. – Протянул приказчик цветы Головинскому.

Владимир достал из кармана очень помятый рубль и две монетки по десять копеек.

Приказчик, широко улыбаясь, смотрел на помятый рубль.

– Спасибо за покупку, господин кадет! Наш магазин всегда к вашим услугам! – приказчик широко открыл дверь.

– Володинька, как я тебе рада! Как рада! – обняла племянника Анастасия Михайловна, поцеловала в щёку. – Ах, какие красивые хризантемы! Какая прелесть! Как пахнут! Проходи, мой дорогой, в гостиную! Я сейчас распоряджусь, чтобы накрывали на стол.

Забегала многочисленная прислуга Анастасии Михайловны. Через десять минут был сервирован шикарный обед на две персоны.

За едой Владимир с тётушкой беседовали о кадетском корпусе, о его мечте стать офицером, о таланте Шаляпина...

Время пролетело очень быстро.

– Ой, Анастасия Михайловна, мне уже в корпус пора! Спасибо вам за такой приём! Мне, честно, очень интересно

с вами!

– Володинька, ты не представляешь, как мне было приятно беседовать с тобой. – Тётушка обняла его и поцеловала в щёку. – У тебя, дорогой мой, уже сейчас имеется особый лоск, лоск русского офицера: ты очень умён, начитан... И настоящий русский офицер должен иметь, – Анастасия Михайловна неожиданно замолчала, лукаво смотря на племянника.

– Что должен иметь? – не выдержав паузы, перебил её Владимир.

– Офицер должен иметь вот такой предмет и, обязательно, слышишь, обязательно, с достойным содержанием. – Анастасия Михайловна вручила ему новенький, резко пахнущий кожей бумажник.

– Спасибо, тётушка! – обрадовался Владимир и, чмокнув её в щёку, вышел из прихожей.

На улице он не удержался: вынул из кармана брюк бумажник и принялся его рассматривать при свете электрического фонаря на столбе.

«Теперь будет куда десять рублей прятать, которые отец мне каждый месяц будет посылать, – подумал с восторгом Владимир, – а отделений здесь сколько! Тяжеленный какой! Солидный подарок! А это что?»

Головинский вытащил две новенькие сотенные банкноты... Он испугался.

– Анастасия Михайловна ошиблась наверное? Забыла

свои деньги? Надо ей сейчас же их вернуть! – лихорадочно подумалось ему.

Но в другом отделении бумажника Владимир нашёл маленькую открытку. На ней изящным почерком было выведено:

«Володинька, с началом учебного года! Можешь тратить эти деньги, как считаешь нужным. Целую тебя. А.М.»

У Головинского затряслись пальцы: у него никогда не было таких больших, нет не больших, а огромных денег.

– Вот это деньжищи! – вслух произнёс он.

Теперь все свои увольнения Владимир проводил у тётушки: играл на рояле, пел романсы, беседовал с Анастасией Михайловной и наслаждался чтением книг из её огромной библиотеки.

Быстро летело время. Вот и наступил декабрь.

На Рождество тётушка подарила Владимиру «Сокровища Лувра» – шикарную книгу на французском языке. В ней Головинский нашёл поздравительную открытку и... пятьсот рублей.

23 декабря он приехал в родительский дом, чтобы провести здесь свои рождественские каникулы. Целую неделю Владимир не выходил на улицу. Стояли сильные морозы, а потом, совершенно неожиданно наступила оттепель. Днём так пригрело яркое солнце, что с крыш закапали сосульки. Владимир решил прогуляться по окрестностям на лыжах.

Он прошёл через дубовую рощу, поднялся на холм. От от-

крывающегося отсюда пейзажа у него перехватило дыхание.

«Разве увидишь такую красоту в Питере?» – подумал Владимир.

Он спустился с холма к реке. Здесь, на берегу, в окружении большой группы деревенских мальчишек лет тринадцати – четырнадцати стоял его друг детства и ровесник Колька Курицын, по кличке Курица, и оживленно размахивал руками.

– Привет, орлы! – поздоровался с ними Владимир.

– Ого, Володя приехал! Давно? – раздались радостные голоса.

Один только Курицын конопатый и задиристый презрительно плюнул себе под ноги:

– А, га-а-а- спа-ди – ин каде-ет, с приездом! – напирая на букву «а», ехидно произнёс он.

– Спасибо, Колька! А по какому поводу вы здесь собрались? – поинтересовался Головинский.

– А я, тута, говорю мальчикам, что могу перейти речку, а они мене не верят. – Курица снова сплюнул.

– А зачем это тебе, Колька? – не мог никак понять Владимир.

– Хочу, чтобы все видели кто такой Курицын! А может ты тоже хочешь, а, га-ас-па-адин ка-а-дет?

– Зачем мне это? Ты же видишь, что лёд тонкий Да в саженьях пяти отсюда виднеется огромная полынья. Ты видел? – Головинский показал пальцем на середину реки.

– Это для га-а-спод ка-а-детов тонкий! Кишка – сла-а-а-боватая у бла-га-родных! А мы простые. Смотри, что деревенский парень Колька Курицын делает! Берёт и запросто переходит речку.

Курицын смело ступил на лёд и сделал три шага. Под валенками у него стало скрипеть.

Колька сделал ещё три шага.

– Скрип, скр-и-ип. – Казалось, что скрипели старые рассохшиеся паркетные доски.

– Курица, вертайся! Утопнишь! Вертайся! – закричали в один голос мальчишки.

– Хрясь! – Курицын с головой ушёл под воду.

Все от ужаса застыли... В полынье показалась голова Кольки без шапки. Он молча и отчаянно бил руками поводе.

– Чего мальцы стоите? – давайте, кто-нибудь в деревню за мужиками! – закричал Владимир.

Он быстро снял лыжи и взял их в руки. Осторожно, с опаской, ступил на лёд.

– Скр-и-ип... скри-и-ип – раздавался противный звук из-под ног.

– Колька, держись! Сейчас я тебя вытащу! Держись! – кричал Владимир.

Лёд под ногами Головинского начал опасно шататься. Казалось, что он вот-вот опрокинется. Тогда Владимир кинул лыжи на лёд. Лёг на них и протянул лыжную палку Курицыну.

– Колька, хватайся за неё! Покрепче! – кричал Головинский, – а вы, мальцы, будете тащить меня за ноги! Только не все! Два человека! Да смотрите сами не провалитесь!

Курицын дотянулся до палки правой рукой, а левой рукой продолжал бить по воде.

– Колька, двумя! Двумя руками держись! – кричал Владимир, с ужасом ощущая, как под его телом трескался лёд.

Курица изловчился и из последних сил схватил лыжную палку двумя руками.

– Тяните! За ноги меня тяните! – громким голосом приказал Владимир.

Кто-то из мальчишек схватил его за ноги и начали тянуть. Головинский подтягивал к себе Кольку.

– Ещё, мальцы! Ещё! – спокойно приказывал Владимир, сам изо всех сил вытягивая Курицына.

Тот уже по грудь показался из полыньи...

– Не бойся! Держись! Чуток уже осталось! Держись, Курица! Держись! – говорил Владимир, продолжая делать невозможные усилия...

По высокому кособоку к реке бегом спускались мужики...

Бледно-синий Курицын на четвереньках стоял на берегу и громко, никого не стесняясь, плакал.

– У меня баня топлена! Давай парня ко мне! – предложил кто-то из мужиков. – Давайте, подсобите! Тяжёлый больно...

Потом кто-то из мужиков помог встать Владимиру. Он, дрожащими от усталости руками, кое-как надел лыжи и мед-

ленно пошёл к себе домой.

Весь апрель в Санкт-Петербурге дождало. Серое небо, серые дома, серая Нева...

Дни были похожи один на другой: такие же серые...

– На завтрашний бал-вечеринку к нам приглашены девушки из старших классов женской гимназии. У вас есть время, чтобы как следует подготовиться. – Объявил им на утреннем построении их классный наставник штабс-капитан Беленков Юрий Константинович.

– Ух ты! Вот это хорошо! Это мне нравится! – восторженно прошептал за спиной Головинского его хороший товарищ Александр Колганов.

Бал-вечеринка проходила, как всегда, чинно: трое классных дам пристально наблюдали за поведением своих воспитаниц, а штабс-капитан Беленков и командир роты Его Величества полковник Забелин, по прозвищу Швабра, смотрели за кадетами.

Был организован маленький и недорогой буфет. В перерывах между танцами объявлялись различные конкурсы.

Одна из классных дам, с серьёзным выражением лица, в очках с толстыми линзами, встала из кресла и потребовала тишины.

– Наши девочки приготовили для кадетов сюрпри-и-из! – заявила она, растягивая последнее слово, чтобы привлечь внимание всех присутствующих в зале.

Наступила тишина.

– Для вас, господа офицеры, и, конечно же для вас, кадеты, Марина Игнатьева исполнит Сонату для фортепиано номер два Людвига ван Бетховена.

За рояль села высокая миловидная девушка с большими глазами и прикоснулась к клавишам.

– Господа кадеты, надо ответить! Надо ответить! Не ответим – потеряем лицо! – взволновано прошептал подошедший штабс-капитан Беленков.

Все замерли...

– Ну что, долго думать будем? – раздражаясь поинтересовался их классный наставник.

– Голова – это к нам с тобой алаверды! Ты поёшь, а я тебе буду аккомпанировать! – азартно хлопнул по плечу Владимира Колганов.

– Давайте, Головинский! Давайте, Колганов. Надо спасти ситуацию! – торопил их Беленков.

– Хорошо, спою романс «Белеет парус одинокий». – Согласился Владимир. – Саша, ты его знаешь?

– Голова, конечно! Не переживай! – опять хлопнул его по плечу Колганов.

Владимиру стало страшно. В горле пересохло. Всё тело стало «гореть» и чесаться. Он ведь никогда не пел перед такой большой аудиторией. Исполнял романсы в семейном кругу, для тётушки, для друзей. А здесь, в этом зале, сейчас столько народа... Столько приглашённых девушек, их воспитательницы!

«Как бы не опозориться! Нет! Нет! Я не опозорюсь! Надо дерзать, Владимир!» – думал Головинский, направляясь к роялю.

Девушка закончила играть. Наградой ей стал гул аплодисментов.

– Романс «Белеет парус одинокий». Слова Лермонтова. Исполняет Владимир Головинский. У рояля – Александр Колганов. – Громко и торжественно объявил штабс- капитан.

Владимир откашлялся. Раздались первые аккорды, и он начал петь. С первыми словами романса к Владимиру пришли спокойствие и уверенность в себе. Он пел, вкладывая в каждое слово свою душу, свой талант.

Что ищет он в стране далёк-о-ой

Что кинул он в арею родно-ом...

Закончил Владимир и поклонился...

– Bravo-o-o! Голова, bravo-o-o! – заорали от восторга все кадеты и начали бить в ладоши и притоптывать.

– Bravo-o-o! – кричали удивлённые гимназистки и с энтузиазмом аплодировали.

Бал- вечеринка уже походил к концу, когда к Владимиру подошёл, признанный во всём Первом кадетском кадетском корпусе, как лучший знаток женского пола, Николай Лисовский.

– Слышишь, Голова, а эта лупогазенькая изъясляет упор-

ное желание познакомиться с тобой. Мне об этом сказала её подружка, с которой я встречаюсь.

– Какая лупоглазенькая? – не понял Владимир.

– Та самая, которая до тебя по клавишам рояля стучала.

Подойди к ней!

– Да как-то неудобно... – испугался Головинский, – может ты, Лис, не правильно понял?

Иди! Иди! Я всё правильно понял! – сально ухмыльнулся Лисовский.

Головинскому было и страшно, и стеснительно, и неудобно. Но он пересилив все свои страхи и сомнения, подошёл к «лупоглазенькой».

– Добрый вечер! Меня зовут Владимир. – Улыбаясь, представился он.

– А я, Марина. Марина Игнатьева. Поздравляю вас, Владимир, вы так талантливо исполнили мой любимый романс «Белеет парус одинокий»! – глядя ему прямо в глаза произнесла девушка.

– Спасибо! – поблагодарил её Головинский и почувствовал, как краснеет.

– Владимир, я хочу вас пригласить к нам домой на обед в будущее воскресенье. У нас собираются близкие друзья родителей. Мне бы очень хотелось, чтобы вы согласились и пришли. – Марина продолжала смотреть ему прямо в глаза.

– Я приду! С удовольствием приду! – совсем смутившись, пообещал Головинский.

С этой минуты Владимир постоянно думал о Марине:

– Совсем она не лупоглазенькая, в очень красивая девушка с выразительными большими карими глазами. Прямой носик. Шея высокая. Губки очень милые. Дурак Лисовский! Мелет разную чепуху. А как меня примут в её доме? Решительная девушка Марина! Вот так сразу, бац. И пригласила! Очень решительная!

В пятницу Головинский заступил дежурным по роте Его Величества. В классе тем временем произошёл скандал. Преподаватель латыни Терентьев возмутился тем, что никто не подготовился к уроку.

– Нет Головинского и не с кем разговаривать! – в сердцах бросил он и подал письменную жалобу командиру роты.

Швабра, особо не разбираясь, запретил всему классу выход в город в субботу и в воскресенье назначил на эти дня строевые занятия на плацу.

Эта новость неприятно поразила Владимира.

– Я же слово дал, что приду в гости к Марине! Как мне теперь быть? Может быть попросить увольнение у командира роты лично для себя? Но тогда это будет подлостью с моей стороны! Я же предам моих товарищей, если получу официальный выход в город, а они буду бить ноги на плацу!

В воскресенье Головинский, предупредив своих самых близких товарищей по классу, без разрешения покинул кадетский корпус.

Марина жила в трёх кварталах от дома Анастасии Михай-

ловны. Владимир взял извозчика и по дороге заехал в цветочный магазин «Гертцнер и Компания». Здесь его встретили, как постоянного и очень уважаемого клиента.

– Добрый день, господин кадет! Чего сегодня желать изволите? – приказчик изобразил на своём лице радостную улыбку.

– Девушке хочу букет цветов подарить. – Объяснил Головинский.

– Могу предложить вам тюльпаны. Вчера их привезли из Амстердама. Смотрите какие цвета! Жасмин из Испании. Чувствуете какой необыкновенный аромат от них исходит? Также осмелюсь вам предложить...

Вдруг Владимир увидел в больших деревянных кадках с водой высокие ветки белой пушистой сирени. Он подошёл к ним. От них исходил нежный весенний запах.

– Хочу эту сирень! – Головинский кивнул головой в сторону кадок.

– Прекрасная сирень! Персидская! Совсем свежая, доставлена сегодня рано утром. Вы, господин кадет, сделали прекрасный выбор! Сколько будете брать? Три ветки? Пять? Больше?

– Всю! – кратко пояснил Владимир.

– Как всю? Это же безумно дорого! – почти прошептал приказчик.

– Это не ваше дело! Упакуйте мне сирень, как следует!

Марина лично встретила Владимира в просторной прихо-

жей.

– Добрый день, Вла – начала здороваться она и осеклась, увидев как следом за Головинским швейцар и извозчик заносили огромные охапки белой сирени.

– Это что? – прошептала она, показывая главами на цветы.

– Добрый день, Марина! Это сирень. Персидская! Вам! – с гордостью объявил Владимир и поцеловал девушке руку.

– Мне?! Я её обожаю! Ой, какая прелесть! Какая прелесть! Спасибо! – в порыве чувств Марина обняла Головинского.

Появилась прислуга, и девушка принялась распоряжаться куда поставить сирень. Владимир тем временем подошёл к высокому зеркалу в резной дубовой оправе и принялся поправлять свой мундир. Вдруг открылась боковая дверь, и в прихожую вошёл... генерал-майор кавалерии. В парадном мундире шитом золотом, длинным рядом орденов и медалей.

От неожиданности Головинский даже вздрогнул, но затем, быстро взяв себя в руки, повернулся к генералу, стал по стойке смирно и громким голосом стал представляться:

– Ваше превосходительство, Первого кадетского корпуса ка...

– Замолчи! – почти закричал на него генерал и испуганно приложил палец к губам, – мы с тобой здесь в гостях! Не в этом доме ни генералов, не кадетов. Меня зовут Дмитрий Дмитриевич!

– А меня – Владимир!

– Вот и познакомились! – генерал протянул Головинскому руку.

Сначала Марина представила Владимира своим родителям Александру Степановичу и Елене Васильевне. Оказалось, что отец девушки служит по Министерству иностранных дел, где занимает высокую должность.

Затем Марина представила Головинского всем остальным многочисленным гостям.

– А я уже знаком с этим очень воспитанным молодым человеком! – пояснил Дмитрий Дмитриевич, снова пожимая ему руку. – Прости, Владимир, я не расслышал твою фамилию.

– Головинский. – Четко произнёс юноша.

– Ка-а-к? Как ты сказал? Головинский? – удивился почему-то Дмитрий Дмитоиевья.

– Так точ... Да, Головинский. – Повторил Владимир.

– Неужели ты сын Юрия Владимировича Головинского? – воскликнул генерал.

– Да, сын.

– Боже мой! Боже мой! Господа! Господа, вы слышали? Вы слышали, что этот милый юноша является сыном моего полкового товарища Юрия Головинского, с кем я начал службу в Десятом гусарском полку!

Все замолчали, с интересом рассматривая Владимира.

Дмитрий Дмитриевич обнял Головинского, и похлопывая

его своими большими ладонями по спине:

– Я так рад! Я так рад! Передавай поклон от меня твоему отцу! Я даже и не думал, что у Юрия уже такой большой сын!

Владимир был сразу же принят всеми гостями, а особенно родителями Марины. Елена Васильевна с умилением наблюдала, как он ухаживал за её дочерью.

День пролетел как один час...

– Голова, плохие твои дела, – грустно сообщил Головинскому Колганов, когда тот вечером вернулся в корпус.

– Почему? – беспечно поинтересовался Владимир.

– Швабра к обеду появился и приказал всех построить. Тебя не было... Он жутко обозлился и пообещал устроить тебе показательное наказание.

– Наказание? Ну и пусть! Я выдержу! – спокойно ответил Владимир, вспоминая Марину и прекрасно проведённое время в доме Игнатьевых.

Серое хмурое утро. Сеялся мелкий противны дождь.

«Апрель на исходе, а весной и не пахнет,» – подумалось Владимиру на утреннем построении.

– Кадет Головинский, выйти из строя! – вдруг услышал он приказ директора Корпуса генерал-майора Григорьева.

В этот момент Владимир случайно увидел злорадное лицо Швабры, и внутри у него похолодело в предчувствии чего-то недоброго.

Головинский стоял перед строем. Директор молчал. Над плацом нависла напряжённая тишина.

– В нашем Корпусе учатся разные кадеты. Старательные, ленивые, дисциплинированные и недисциплинированные... – генерал сделал паузу.

«Боже мой, какой позор! – с тоской думал Владимир, – сейчас перед всеми кадетами мне объявят выговор. А может даже дадут двое или трое суток карцера? Какой позор, а Головинский? Какой позор!»

– Есть кадеты очень скромные на вид, но самом деле, – продолжал Григорьев.

«Куда это директор клонит? Неужели меня могут отчислить из Корпуса в назидание другим?» – по-настоящему испугался Владимир.

– Но на самом деле – герои! Вот перед вами стоит настоящий герой: кадет Владимир Головинский. – Торжественно выкрикнул директор.

«Всё! Выгонят!» – решил Владимир и с тоской стал смотреть по сторонам.

– Находясь на рождественских каникулах, – продолжал говорить Григорьев, – воспитанник нашего Первого кадетского корпуса Головинский, рискуя своей жизнью, спас человека, провалившегося в полынью и тонувшего в ледяной воде. На основании представлений земских и губернских властей Государём был подписан высочайший приказ о награждении Головинского Владимира Юрьевича медалью «За спасение погибавших». Я с гордостью прикрепляю эту награду нашему герою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.